

Известия. — 2000. — 22 авг. — с. 10

Бабы толстые, дамы прекрасные

Пермские панфиловцы уже стали легендой

Выступает «Балет толстых» Евгения Панфилова! Зал стонет от восторга и возмущения. Сейчас начнется... Это будет безумное, безудержно-роскошное действо — то ли под Рубенса, то ли под Буше, а скорее под русского Кустодиева. Буйство красок и тел. Пир жизни. Полнота чувств. Заразительный пантагрюэлевский смех. Как бы не так.

Андрей НИКИТИН

«Бабы. Год 1945». Полнокрывный драматический спектакль. Последняя премьера «Балета толстых», созданного 6 лет назад где-то между иронией и гротеском, оказалась совсем не «толстой». Эксперимент хореографа Евгения Панфилова, создателя театра современного танца, перестал быть экспериментом.

Почти одновременно была еще одна премьера. На этот раз основной труппы Панфилова. Тонких, если можно так выразиться. Балет на музыку Рахманинова. Самый что ни на есть изощренно-эстетский.

В общем, человек, прежде не знакомый с творчеством Панфилова, не видевший прежних его спектаклей, глазам своим не поверит — такие разные спектакли двух таких разных Панфиловых, такой диапазон.

Толстые в Панфилове души не чают. Он сделал из них, больших и бесформенных, новое искусство. Новое пластическое и новое органическое.

Конечно, «Балет толстых» набирался для шоу, для эпатажа, экстравагантности. В расчете на необычность действия и здоровый русский юмор. Конечно, это был эксперимент. Причем довольно

рискованный. Не оттого, что могло не получиться, а именно потому, что могло получиться.

Получилось. Не знаю, какими были толстые до Панфилова. Стеснялись ли они своей полноты? Сейчас они ловкие, уверенные и раскованные. Они в себя поверили. Панфилов знал, что самое сложное начнется потом. Он не мог, не имел права постоянно эксплуатировать одни и те же качества своих танцоров, одни и те же, ставшие уже несомненными, достоинства. Это было бы нечестно по отношению к толстым. Потому что они уже стали артистами.

Панфилов уже в первых работах с «толстыми» вводил в комические номера драматические элементы. Он открыл в «толстых» особую пластику, культуру движения, особую, только им свойственную эмоциональность. И создал для них особенные постановочные приемы.

До этого шоу-балеты «толстых» были, быть может, вполне профессиональные. Драматического «балета толстых» прежде не было нигде. Вот поэтому толстые так любят своего Панфилова и носят его на руках — в прямом и в переносном смысле. И, может быть, даже жалеют. Как порой жалеют полные люди худых.

Панфилов не жалеет ни себя, ни толстых, ни тонких. Он, как это и принято в большинстве творческих и удачливых коллективов, совершеннейший деспот: попробуйте иначе — с завидным успехом одновременно работать с двумя труппами. И плюс быть директором театра, главным и единственным постановщиком и даже художником по костюмам.

Его вторая премьера, для основной труппы, носит довольно странное и претенциозное название — «Прекарасные дамы маркизов и русских князей». Танцевальный спектакль, поставленный под Первый концерт Рахманинова. Авангард под классику. По собственному признанию Панфилова, вещь для него необычная. После премьеры картины спектакля долго еще ворочаются в душе, вызывая в ней потерянные где-то в прошлом веке образы далеких, аристократических и, может быть, вовсе не родных предков.

Вышедший весь из народа Панфилов приравнял свою Музу к серебряной героине чистого искусства. И при этом немного наивно сопроводил выход своего детища в свет процитированными в программке строками из Цветаевой: «О чем — поэты, любовники, полководцы?» В спектакле сквозит инстинктивное, безотчетное, даже первобытное ощущение земли, рода, Родины. Деревни, если хотите. Когда творился и жил невольный, навязанный, неосознаваемый синтез искусств, который потом воссоздавали в своем творчестве

Толстые: не шоу, а современная хореография

Скрябин, Чюрленис, Мандельштам. Строй спектакля сродни правильной красоте, творимой универсалами Возрождения. И одновременно полон высокой тоски по чистому и прекрасно, которой наполнены грезы русских творцов перелома прошлых веков. Блестяще образованных и как будто бы предчувствовавших скорую гибель Серебряного века.

К 45-ти, когда кто-то только начинает задумываться, состоялся ли он как профессионал,

Панфилов уже готов подводить первые итоги. Раз: посадил росток нового балета. Вернее, привил Перми современный танец. Так, в городе, воспитанном на классическом балете, вырос танец-модерн. Два: вырастил дочь, которая еще до того как ее приняли в театр Панфилова, уже танцевала в отцовских спектаклях Лолиту и Джульетту. Три: построил театр. Его главной мечтой было создать суперпрофессиональную труппу, с которой не надо задумываться о

том, что артисты чего-то не смогут.

Панфилов остался русским деревенским парнем. Он по-деревенски щедр, когда сам (реже, чем раньше, — мешает целый букет болезней) выпархивает на сцену. Зритель — любимый пермский, взыскательный московский, интеллигентный питерский, утонченный французский, пресытившийся американский — аплодирует Панфилову и его балету стоя.

Пермь

525